

М а т ь я н а Т Р О Н И Н А

В НЕЖНЫХ
ОБЪЯТЯХ

ЛЮБИТЬ
НЕЛЬЗЯ ОТВЕРГНУТЬ

ГДЕ ПОСТАВИТЬ
ЗАПЯТУЮ?..

Татьяна Михайловна Тренина

В нежных объятиях

Серия «Нити любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39140447

В нежных объятиях: роман / Татьяна Тренина: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-098384-1

Аннотация

Дурнушка Женя и красавица Аня – двоюродные сестры, которые, как оказалось, когда-то были влюблены в одного мужчину – Сергея. Только в отличие от Жени, скрывавшей свои чувства, Анна стала его невестой, но... ненадолго. Потому что в последний момент вдруг предпочла другого. Спустя много лет Женя, приехавшая из Москвы в родной городок, чтобы навестить мать, вдруг встретила с Сережей и, кажется, очаровала его. Но есть ли у девушки шанс на отношения с тем, кого она так долго и безответно любила? И почему Аня вновь обратила свой взор на бывшего жениха?..

Татьяна Тренина

В нежных объятьях

© Тренина Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Поезд замедлил ход.

– Костров. Стоянка полторы минуты... Девушка, вам пора, – напомнила проводница, заглянув в купе, в котором ехала Женя.

– Да, спасибо, – ответила она, стоя посреди купе, уже полностью собравшаяся; тут же, после слов проводницы, перекинула через плечо небольшую спортивную сумку и по коридору направилась к выходу.

Поезд, тяжело вздохнув, окончательно замер у перрона. Скрежет откидной лесенки.

– Всего доброго, – дежурно бросила проводница вслед.

– И вам удачного пути! – отозвалась Женя и спустилась по ступеням вниз.

Странное ощущение охватило ее, когда она почувствовала под ногами перрон. Вернее, ступила наконец на родную землю.

«Хотя глупо так волноваться, – усмехнулась Женя. – Ко-

гда я в последний раз тут была? Лет пять назад, кажется... А до того – еще лет пять прошло. Обычно мама ко мне в Москву ездила...»

Еще несколько человек сошло с поезда; на небольшой привокзальной площади, возле клумб, бродили люди – ожидающие очередного поезда, или встречающие, или, возможно, какие-то местные бездельники. Женя зачем-то оглядела всех, но никого из знакомых не заметила.

Впрочем, кого она так рвалась тут встретить? Мама дома, а родня, Кирсановы – бабушка, тетка, двоюродная сестрица Анна, племянница Лиза – у себя, в своем доме, наверное, еще спят в столь ранний час. Бывшие друзья, одноклассники? Большинство разъехались давно, и, если надо, их проще найти, зайдя в социальную сеть, чем выглядывая здесь, на перроне.

Да и кто Жене нужен, к кому она так рвется всем сердцем? Никто, ни к кому. Нет тех людей, ну разве что кроме матери, к которым она стремилась бы всем сердцем. Впрочем, если уж быть совсем честной с собой, то и по матери Женя тоже не особо тосковала, они ведь и без того частенько общались по скайпу, перезванивались – так что и соскучиться не успевали. А главное, в последнее время они больше конфликтовали, поскольку мать не желала уезжать из этого городишки, хотя у Жени появилась квартира в Москве. Теперь уже можно сказать – своя собственная, поскольку этой зимой Женя полностью погасила ипотеку.

...Раннее утро, а солнышко вовсю припекало. Ну да, Костров немного южнее Москвы... Всего несколько часов в поезде, но разница ощутима. И почему-то уже кажется незнакомым этот сухой и теплый ветер, что дует в лицо, а, главное, воздух-то здесь – чище, легче... Он совсем другой! Свежий, без примеси выхлопных газов миллиона машин.

Женя пересекла небольшую площадь перед зданием вокзала и оказалась внутри самого здания. Просторный зал с креслами, буфет, какие-то киоски... Тут все по-старому. Разве что стены покрасили в зеленый цвет. И никого, пусто, лишь Женины шаги звонко отзывались под высокими сводами. Киоски не работали, лишь одинокая кассирша сидела за стеклом.

Как будто знакомая? – невольно засмотрелась Женя на кассиршу.

Это была полная женщина средних лет, со светлыми редкими волосами, убранными назад, отчего ее круглое, большое лицо без грамма косметики казалось уж слишком «обнаженным».

Кассирша в ответ вскинула голову на Женю, заморгала, словно всматриваясь в одинокую пассажирку с каким-то сердитым, тревожным выражением, но через мгновение уже отвернулась.

«Нет, показалось», – подумала Женя и прошла мимо.

Открыв, и не без труда, тяжелые деревянные двери, она оказалась в городе.

– Такси, такси... Девушка, такси!

– Нет, спасибо, мне недалеко.

– Девушка, дорого не возьму!

– Нет, спасибо.

– Такси, такси! Быстро, удобно, комфортно. Официальное такси! – надрывался зазывала.

Город был почти пуст в этот час, лишь изредка, поднимая пыль, проезжали мимо машины. Вся привокзальная улица состояла из пятиэтажных домов, за ними – большая площадь в окружении старинных особняков. Здесь любили снимать кино. А вон, кстати, и киношники – Женя заметила на противоположной стороне фургоны с надписями известной киностудии, рабочие лениво тянули провода и устанавливали камеры. Пару-тройку раз Женя натыкалась в отечественных фильмах на историческую тематику – где-то фоном мелькали пейзажи родного Кострова. Это было мило и забавно – узнавать на экране когда-то родные места.

Дальше, за площадью, пошел какой-то строительный разноробой – то тянулись вверх многоэтажные здания, то низенькие домики прятались за заборами. Окраина Кострова – так вообще сплошь частный сектор. Не город, а какой-то поселок, где вперемешку стояли и современные уютные коттеджи за красивыми каменными оградами, и ветхие развалюхи, символически окруженные штакетником.

Кстати, Кирсановы – они тоже жили в частном доме, утопавшем в роскошном саду. Интересно, как они там сейчас,

заглянуть, что ли? А сад – все такой же, отрада глаз? Впрочем, потом, потом, все потом, неудобно без приглашения заваливаться. У бабушки юбилей на днях – восемьдесят пять лет, вот тогда и встретиться можно с родней, и на сад полюбоваться...

Женя свернула в переулок, уводящий от центрального проспекта, и скоро оказалась на своей улице. Вон и длинный одноэтажный дом с отдельными входами, тоже огороженными невысокой деревянной оградкой, которую можно было легко перешагнуть. Перед домом росли березы, клубилась зеленой листвой густо, закрывая иные окна, сирень, уже отцветшая.

Это было настолько знакомое зрелище, знакомое, но в то же время – ненастоящее какое-то, избытое, забытое, невозможное, что Женя судорожно вздохнула. Она каждый свой приезд изумлялась, вновь попадая в места своего детства. Детство закончилось, а место осталось. Причем все в том же, почти первозданном виде. А что, если все эти годы, что Женя провела вдали от Кострова, – лишь приснились ей? А она снова девчонка-старшеклассница. И люди вокруг – соседи, одноклассники, учителя – тоже молодые, те же самые, прежние... Никто не умер, никто никуда не уехал. Еще мгновение – и вынырнет из-за угла... кто вынырнет?

Но Женя не стала поддаваться своим фантазиям, лишь усмехнулась и толкнула незапертую калитку. Вот он, палисадник ее детства. И скамейка, кстати, среди кустов сирени –

все та же, знакомая с детства, старая деревянная скамейка, потемневшая от дождей и снега. Или другая? Хотя какая разница, глупо думать о каких-то там скамейках.

Женя поднялась по ступеням на крыльцо, нажала на звонок. Дзынннь. Все тот же, хоть и полузабытый, резкий и неприятный звук.

– Открыто! – из глубины квартиры отозвалась мать.

Женя толкнула дверь, оставила в небольшой прихожей свою сумку, скинула с ног кроссовки и босиком прошла в комнату. Какой знакомый запах: деревянных полов, герани, земляничного мыла...

– Женька... Привет! – выглянула из другой комнаты мать, Таисия Георгиевна – в ситцевом сине-сером халатике, на голове – платок, концами назад, в руках – швабра. – А я полы мою. Да проходи, проходи, тут уже высохло.

Женя потянулась, обняла мать, та в ответ приобняла ее одной рукой, затем быстро отстранилась. Сколько Женя себя помнила, мать никогда не отличалась сентиментальностью – ни тебе обнять, ни поцеловать дочь лишний раз. Улыбка – только в первые минуты встречи, потом на лице матери застывало все то же строгое, хмурое, привычное выражение. Вот как сейчас...

Таисии Георгиевне недавно исполнилось шестьдесят пять лет, но выглядела она моложе: гладкое лицо с правильными чертами, стройная фигура, красивые руки, аккуратные маленькие ступни. Волосы еще не сильно седые – вон косу, ров-

но висящую посредине спины, видно, когда мать поворачивается, совсем немного еще белых прядей в гуще темных волос. Но то, что Таисия Георгиевна никогда не пользовалась косметикой, одевалась очень скромно, превращало ее в незаметную серую мышку. «А ведь красавица, не то что я!» – с привычным огорчением подумала Женя, разглядывая мать.

– Ну что ты так на меня смотришь?

– Соскучилась, – призналась Женя.

– Ой, да перестань, – отмахнулась Таисия Георгиевна и вновь принялась тереть шваброй и без того гладкий, блестящий, крашеный коричневой краской пол. – Как доехала?

– Нормально. Ты как?

– Да что со мной может случиться... Все как всегда. Работаю. Ночью часто за мальчиком одним, ему полтора года, присматриваю, еще девчонку из школы забираю, уроки с ней, обед, погулять...

Таисия Георгиевна, выйдя на пенсию, еще умудрялась подрабатывать нянькой.

– Тяжело же, – пробормотала Женя. – И днем, и ночью... Когда же ты отдыхаешь, мама?

– Перестань. Тоже мне, тяжелый труд. А что тогда шахтеры в забое делают? – привычно огрызнулась мать. Таисия Георгиевна не была злой, скорее строгой, никому, в том числе и себе, не дающей спуска.

– Кирсановы как? Как бабушка?

– Все хорошо. Аня потом к нам обещалась заглянуть. Да,

Женька, я сейчас убегаю к подопечной своей, в семь вернусь.

– Мам, погоди, каникулы же у детей! Лето!

– Ну и что. Родители-то на работу ходят. А кто за ребенком присматривать будет?

Мать скрылась в своей комнате, появилась через пять минут, уже в темно-синем длинном платье, без платка на голове, с косой, переброшенной на грудь. Если в сумерках да издалека – девушка девушкой...

– Пока.

– Мама, ну как же так... я ведь только приехала!

– Не причитай, ни к чему. Пустое.

Мать сухо, точно клюнула, твердыми губами поцеловала дочь в щеку и вышла вон.

Женя осталась одна.

Она прошлась по комнатам, кончиками пальцев провела по бумажным выцветшим обоям, затем выглянула в окно – солнце пекло уже всюду, заставляя щуриться.

Делать было абсолютно нечего. Скука и тоска. Прибраться, приготовить обед? Все прибрано, заранее приготовленных обедов мать не любила – только свежее и только то, что с пылу с жару, либо то, что не надо готовить и куплено и принесено вот прямо сейчас, сию минуту положено в тарелку – творог с ложкой свежей сметаны, ломоть хлеба с местного хлебозавода (не чета московскому!) или же просто сырые овощи, лишь вымытые и аккуратно порезанные... Кстати, может, именно в этом способе питания заключался тот са-

мый секрет, который позволял матери не стареть и не дряхлеть?..

Женя легла, не раздеваясь, на свою кровать и уснула. И совершенно неожиданно проспала целый день...

Открыла глаза лишь вечером – когда на кухне засвистел чайник.

– Женька! Вставай, ужинать будем, – крикнула Таисия Георгиевна.

– Мама, ты давно пришла? А я и не слышала, – Женя поспешила на ее голос.

– Да вот только что. Садись.

Мать с дочерью расположились на кухне под низко висящим тряпичным абажуром.

– Аня не заходила?

– Нет. А может, и была, я не слышала, – потеряла Женя глаза.

– И что ж ты ночью делать будешь? Весь режим себе сбивала.

На столе стояло блюдо с печеньем, открытая банка черносмородинового варенья.

– А что тебе эта Аня... Не зовут, и не надо, – вздохнув, продолжила Таисия Георгиевна, наливая чаю сначала дочери, затем себе. – В субботу сами к ним придем.

– Мам.

– Что, Женька?

– Мам, ну так нельзя. Поехали ко мне. Мама!

– Никуда я не поеду, – фыркнула Таисия Георгиевна.

– Почему? Ты же одна тут.

– И что?

– Я боюсь за тебя. Ты тут одна, а от этих Кирсановых никакого толку.

– Я всю жизнь одна. И ничего. Я пока еще не в том состоянии, чтобы мне сиделка нужна была. Посмотри на бабулю, то есть на маму мою – человеку восемьдесят пять, а как огурчик. У нас у всех, Женька, прекрасные гены.

– Я, может, не в вас, я в папу.

– Кто знает, – передернула плечами мать. Отец Жени умер, когда девочка училась в шестом классе. Она помнила его смутно – пьющий, но тихий и кроткий мужчина, сожаление о нем – теперь до конца жизни, наверное. Эх, папа, папа...

– Кстати, о папе. И о недвижимости, – вздохнув, начала заготовленную речь Женя. Огляделась по сторонам. – Это ведь его квартира. И его брата, дяди Димы. Если дядя Дима вернется сюда из Южно-Сахалинска...

– И потребует свою половину? Не вернется и не потребует, – быстро произнесла мать. – Он порядочный человек.

– Но его семья, его наследники? Если с ним, не дай бог, что...

– И они ничего не потребуют. Ну ты правда, Женька, думаешь, что явится кто-то из папиной родни и начнет меня выгонять из этой халупы или требовать половину ее стоимо-

сти?

– Кто знает, – с нажимом, многозначительно произнесла Женя. – А если бы ты переехала ко мне...

– Вот будет повод, тогда и поговорим на эту тему, – с досадой и отчаянием произнесла мать. – Зачем ты меня мучаешь? Не поеду я ни в какую Москву. И все, и все, и давай не будем на эту тему!

«Так я и знала! – подумала Женя. – Она не человек, а кремень!»

– Мам...

– Ну что тебе?

– А дом Кирсановых... Это ведь и твой дом тоже? Ты ведь бабулина наследница, да? Как и тетя Нина, вы обе наследницы в равных долях? Ты ведь имеешь право – ну ладно, не на половину, но хотя бы на одну комнатку в нем?

– Женька!..

– Не кричи, мама. Если что, Кирсановы ведь будут тебя навещать, помогать тебе? Если что – они возьмут тебя под свое крыло? Я ведь далеко, в Москве, а они рядом...

– Нинка с Аней? Меня – под крыло? Да перестань. И все, и все, хватит! – Таисия Георгиевна уже чуть не плакала. – Хватит меня пристраивать, я вполне самостоятельная женщина, могу о себе позаботиться. Давай сменим тему, я тебя прошу.

Опустив голову, Женя сидела некоторое время молча. Она надеялась, что уж в личной-то беседе точно сумеет уго-

ворить мать на переезд, но... опять ничего не получилось.

– Тебе тридцать два года, ты молодая еще, выйдешь замуж, дети родятся, я там, у тебя, только мешать буду, – примирительно произнесла Таисия Георгиевна.

– А если не выйду и не рожу – ты меня пилить станешь? – неожиданно для самой себя вдруг спросила Женя.

– Нет. Твоя жизнь – это твоя жизнь, – спокойно произнесла мать.

– Спасибо. Ты чрезвычайно продвинутая женщина, – усмехнулась Женя. «Пожалуй, не стоит на нее слишком давить, лучше потихоньку, постепенно... Она права – пора сменить тему».

– А что новенького? – вздохнув, примирительно спросила Женя.

– Где?

– Здесь, в Кострове?

– Кино снимают. Сериал, что-то из жизни дворян... по мотивам Тургенева...

– Я обратила внимание!

– Лиза такая красавица стала, вся в мать. В Аню. Аня и Нина на нее не надышатся. Ты же давно видела свою племянницу?

– Лет пять назад, в прошлый приезд.

– Была девочкой, стала настоящей девушкой... Что еще, что еще новенького... – потеряла лоб Таисия Георгиевна. – А, из грустного – Арсений Андреевич недавно умер.

– Кто? – растерялась Женя.

– Неужели не помнишь? – удивилась мать. – В конце улицы дом? Там Арсений Андреевич Ларионов жил. Седой, художник. Тебя даже как-то рисовал... Да он всех рисовал!

– Ларионов?.. – пробормотала Женя.

– Жалко, он еще молодой был, шестидесяти ему не исполнилось даже. У него племянник имелся еще. Такой милый юноша, светленький. Сейчас-то он уже не юноша, дядька, лет под тридцать пять, сорок...

– Сергей, – машинально произнесла Женя. – Племянника зовут Сергеем.

– Ну да, Сергей. Да ты его помнишь, лет на пять тебя старше. Он еще в Анькиных женихах ходил, потом они рассорились, и он уехал из города.

– Да, помню, – взяв себя в руки, кивнула Женя. – Жалко Арсения Андреевича, хорошим он человеком был.

– Все по жене своей сох, по актрисе. Марией ее звали. Роковая женщина. Сбежала, а он потом ее всю жизнь ждал.

– Да, да. Точно. Печальная история, – улыбнулась одними губами Женя, подняла чашку чая ко рту, медленно отпила.

– Вот, Арсений Андреевич умер. Что еще новенького? Сергей должен приехать, я слышала. Или даже приехал уже, не знаю. Он – точно наследник. Ты же любишь про наследственные дела слушать...

Женя закашляла, подавившись чаем. На миг даже показалось – дышать невозможно, сейчас умрет. Но нет, прокаш-

лявши, смогла восстановить дыхание.

– Да что с тобой, Женька?

– Чай не в то горло попал, – сипло ответила она.

«Он здесь. Он здесь!» – вихрем пронеслось в голове.

– Я не в курсе, знает Аня про Сергея или нет, – между тем задумчиво продолжила мать. – Понимаешь, в чем интрига... Твоя кухня сейчас одна, с Владиком они давно развелись. И, как оказалось, Сергей тоже один. И он, говорят, со своей женой развелся, теперь свободный человек. Если Аня и Сергей вдруг встретятся...

Женя, опять закашлявшись, встала.

– Да что с тобой такое? Давай по спине постучу.

– Нет, мам, все в порядке. Чай... Что-то холодно.

– Лето же, жара!

– Да, я и говорю, невыносимо жарко. Слушай, я что-то опять спать хочу. Устала. Эта работа...

– Да, конечно, иди. Нет, нет, посуду я сама вымою. – Мать буквально вырвала у дочери чашку из рук.

Женя ушла к себе в комнату, опять легла, не раздевшись, на кровать. За окном плескался летний густой закат, он малиновыми отблесками отражался в зеркале, в металлических ручках старого шкафа.

Сергей здесь. Вот он и ответ – кого ждала, кого искала, едва ступив на перрон. Раз в столько лет совпало, что и она тут, в Кострове, и он, Сергей.

«Сколько лет прошло? Да лет семнадцать, наверное. По-

что половина уже прожитой жизни... зачем я помню его, почему? Лоботомию бы кто мне сделал!»

Про лоботомию Женя, конечно, думала не буквально, в переносном смысле... Но если серьезно – что за сила заставляла ее помнить о человеке, которого она не видела много лет? Ладно бы их, Женю и Сергея, связывали какие-то отношения, общее прошлое... Но нет, между ними никогда и ничего не было, Сергей даже не догадывался о том, что Женя испытывала к нему сильные чувства. И никто не догадывался, никто не знал, что вон та страшненькая девчонка, младшая кузина красавицы Анны Кирсановой, без памяти влюблена в жениха своей двоюродной сестры.

Аня была на пять лет старше Жени. Ане было лет двадцать, двадцать один, когда она стала встречаться с Сергеем. Тот – ее ровесник, только что вернулся из армии.

Все вокруг говорили – красивая пара. Такие разные и такие похожие. Аня внешне – ну точь-в-точь Вивьен Ли времен «Унесенных ветром» – черноволосая тоненькая оболстительница, наивная, взбалмошная и гордая.словно жаркая ночь. Сергей – высокий, светловолосый, со светлыми же, серыми глазами – тип северной, холодной мужской красоты. Ясный день...

Женя, в те времена ученица старших классов, думала только о Сергее, с которым они едва ли перебросились парой фраз... Привет-пока, как дела. Их, девчонку-школьницу и взрослого, как ей тогда казалось, парня ничего не связывало.

Женя вечерами бродила по Кострову одна. Просто ходила по улицам города или вдоль набережной... Домá – старые и новые, монастыри, церкви, парки и скверы, площади и переулки, кладбище, остановки, сараи и голубятни... Все это было изучено Женей вдоль и поперек.

Девочка ничего не боялась, бродя в сумерках по маленькому городу. А чего бояться? Костров – сонный, спокойный, патриархальный, строгий – почти никогда не мелькал в криминальной хронике. Все жители друг друга знали, все на виду, никаких тайн. Дорожные происшествия становились событием. Пьяные драки между соседями – да, случались частенько, зато о серийных маньяках, охотящихся за детьми, о бандах грабителей здесь никто не слышал.

Лихие девяностые прошли мимо, стороной, почти не затронув Костров, поскольку большая фабрика на окраине по производству макарон никогда и не закрывалась, она кормила весь город, она давала ему рабочие места, а занятым людям нет смысла тянуться к чему-то противозаконному.

Впрочем, Женя не помнила тех времен, ее юность пришлась на начало следующего десятилетия. Костров с его старинной архитектурой – монастырями, особняками, мощеными камнем улочками – потихоньку превращался в туристический центр.

Город стал работать на приезжих. Сувениры, поделки ручной работы, многочисленные кафе и рестораны, открывшиеся на каждом шагу музеи...

Словом, Женя тогда, ребенком еще, по сути, без всякой опаски гуляла по Кострову поздними вечерами – в надежде встретить Сергея. А долгие выматывающие прогулки позволяли ей, ко всему прочему, сбросить напряжение.

С тех пор у Жени возникла привычка много и долго ходить пешком. Позже, уже живя в Москве, она в свободное время точно так же плутала по бесконечным лабиринтам огромного города. Словно продолжая искать кого-то...

Впрочем, семнадцать лет назад шансы пересечься с Сергеем у Жени были выше. И да, она иногда встречала его. В основном гуляющим с Анной. Эти двое держались за руки, целовались то и дело, часто останавливаясь где-нибудь под фонарем, с обожанием глядя друг на друга. Женю в такие моменты они решительно не замечали.

Но иногда Жене везло – она сталкивалась с Сергеем один на один. И что? И ничего. «Привет, Женни!» – бросал он ей на ходу. Или кричал вслед: «Как дела? Да, Женни, ты Аню не видела?...»

Он почему-то называл ее Женни.

Всегда доброжелательный, всегда приветливый. И притом – чудовищно холодный и равнодушный. Улыбался, но так улыбаются мраморные статуи в музеях, в залах, где выставлены сокровища древнего мира – без злобы, но и без каких-либо других чувств, – вот так же и Сергей улыбался своими крупными, четко очерченными губами. А когда улыбался, на его подбородке появлялась вертикальная ложбинка...

Впрочем, какие чувства могли быть у Сергея к Жене – девочке, которая считалась всеми вокруг исключительно некрасивой. Огромный рот, длинный нос, торчащие уши. Тощая (а не тонкая, почувствуйте разницу), голенастая, с длинными ступнями. «Не девочка, а клоун какой-то! – сколько раз вздыхала тетя Нина, с состраданием глядя на Женю, свою племянницу. – Вроде одна семья, в кого ж ты такая уродилась...»

Хотя бывают некрасивые, но обаятельные. Талантливые, с харизмой. Как, например, Полина Виардо... (Сразу она вспомнилась, и неудивительно – сейчас все в городе, наверное, о Тургеневе говорили.)

В Жене не наблюдалось ни харизмы, ни обаяния. Она была самой обычной. И в юности, и сейчас. Правда, и плюсом к ее характеру было то, что Женя никогда не страдала из-за своей некрасоты. Ей было все равно. Вернее, было все равно, что о ней думают другие люди, какой они ее считают. Ну вот такой врожденный, спасительный пофигизм. Женя знала, что не красавица, но не переживала из-за этого. Пустые страдания, и даже грех это – подобное уныние.

Талант? Особых талантов у Жени тоже не наблюдалось. Ум? Да, умом она обладала... Сумела же она окончить МГУ, а затем устроиться в известный научно-исследовательский институт, где занималась теперь разработками в области биохимии... Светила ли Жене карьера большого ученого? Возможно. С учетом того, что лаборатория, где она труди-

лась, отличилась интересными разработками, в чем была и заслуга Жени. Но когда человек успешен в своей области, его уважают, а не любят.

Впрочем, таких, как Женя – молодых и перспективных умников, – сейчас пруд пруди. Если бы Сергей встретил ее сейчас – с чего бы он в нее вдруг влюбился?

«Стоп, стоп. Ну какая любовь! То, что я была по уши влюблена в этого человека семнадцать лет назад, еще не значит, что я должна искать сейчас с ним встреч. Тем более Анна уже впереди меня, у Анны шансов на его взаимность больше... Да и не в этом дело! Зачем Сергей – мне? Это же все... незавершенный гештальт, или как еще психологи эту ерунду называют? Наверняка он, мой герой, изменился. Сколько ему сейчас? Да как Анне, тридцать семь. Некоторые мужчины с возрастом очень сильно преобразаются. Пузико, лысина. Тараканы в голове. Может, он пьет – не зря же с женой развелся... Это вообще не любовь, а что-то вроде болячки у меня на душе выросло. Как приеду сюда, так расчесываю, не даю ей, этой болячке, окончательно зажить!»

Женя ворочалась долго, злясь на себя – за то, что она не в силах контролировать свои собственные чувства.

А когда все же заснула под утро, то приснилось ей прошлое. Привиделась та прохладная осень, которой Женя видела Сергея в последний раз.

В своем сне Женя как будто опять бродила по Кострову, в тех темно-серых, белесых, густых сумерках. Туман. Той осе-

нью случились какие-то температурные перепады, и на город словно опустилось огромное облако. Смутно, издалека было заметно лишь сияние фонарей у дороги, да блестели мокрые черные камни под ногами. Конец следующего дома уже терялся в сизой дымке.

А вот звуки почему-то были особенно отчетливы. Женский смех неподалеку, в соседнем палисаднике. Новости по телевизору – из раскрытого окна. Чьи-то шаги на противоположной стороне дороги. Рокочущий звук мотоцикла на соседней улочке.

Было немного жутко, но и забавно наблюдать это природное явление.

Этой ночью во сне Женя опять надеялась встретиться с Сергеем. Вдруг случится чудо и он вынырнет сейчас из тумана? Она прислушивалась, но уже больше ничего не улавливала, кроме отдаленного тарахтения мотоцикла.

...Проснувшись утром, открыла глаза и не поняла, где находится. С трудом сообразила, что дома сейчас, в Кострове, у мамы. «А после той осени, когда еще даже зима не наступила, я узнала, что Сергей поссорился с Анной и уехал из города. И больше я его не видела...»

* * *

Анна сидела на веранде, пила кофе. Перед ней лежала раскрытая книга – Тургенев. Все в городе сейчас говорили о

Тургеневе, его творчестве, вот и Анна взяла в библиотеке его роман. Но чтение отчего-то не шло. Да, эти описания природы – они чудесны, конечно... и бесконечно скучны. Вон он, настоящий сад перед глазами, полный цветов и деревьев, готовящихся плодоносить. В листве играет солнце, жужжат трудолюбивые пчелы. Живая картинка лучше той, которую нарисовал, пусть и со всеми подробностями, автор. «Завтра вставать с утра пораньше, делать салаты... Вот морока... Но бабушка категорически не воспринимает покупные. Горячее на маме, торт ближе к вечеру принесет из ресторана Рая, знакомая официантка... А что, если к приготовлению салатов привлечь Женьку, она ведь уже приехала? От тети Таси все равно никакого толку – опять скажет, что работает утром, не успеет. Лиза? Ну еще чего, напрягать ребенка на каникулах...»

Из глубины дома слышался голос матери – она разговаривала с кем-то по телефону.

– Мама! Мамуля! – позвала ее Анна.

– Погоди... я сейчас!

– Мама!

Мать появилась на веранде минут через пять в длинном шелковом халате, расписанном птицами и цветами – подарок Владика, бывшего мужа Анны. Презентовал любимой теще халат из настоящего шелка после командировки в Японию. Кимоно! Нина Георгиевна обожала этот халат и под него специально закалывала свои антрацитово-черные (те-

перь уже благодаря краске) волосы вверх, в сложную конструкцию, напоминающую прически японских гейш.

— Ну чего ты кричишь, я же разговариваю... — с укоризной произнесла мать.

— Женька приехала?

— Да, вот только что с Тасей говорила. Но ты сидишь? Сиди. Я сейчас такое узнала... — Мать закатила глаза. Она в этот момент и вправду очень походила на японку — таких рисовали на старинных гравюрах. Лицо у Нины Георгиевны полное, белое, из-за нависших с возрастом век глаза казались узкими.

— Что узнала? — улыбнулась Анна. — Женька нашла себе жениха? Женька ждет ребенка?

— Ай, я не о ней вовсе... Сергей приехал.

Анна поставила чашку на стол, пожала плечами. Она не понимала, что сейчас чувствует, получив это известие. Досаду? Радость?

— Мама, вот зачем ты мне об этом сказала...

— А как иначе? — всплеснула широкими рукавами Нина Георгиевна. — Ты бы сама скоро узнала. Уж лучше так... И потом, у вас с ним такая любовь раньше была...

— И что. В одну реку дважды не войдешь, — устало возразила Анна.

— Ой, да это дурацкая философия... Еще чего — верить всяким пословицам! Сидели на завалинке старые дураки, от безделья всяких глупостей понапридумывали, а народ и рад

эту ерунду повторять из века в век! В одну реку, да дважды... тьфу.

– Не знаю. Может, ты и права.

– Мать всегда права! – страстно произнесла Нина Георгиевна.

– Но я так плохо обошлась с Сергеем... Мы же с ним почти врагами расстались, – напомнила Анна. – Я тогда очень резко оборвала с ним всякие отношения, очень грубо... Пошел вон, не хочу знать, ты мне не нужен. Он плакал, на колени вставал. Такие унижения не забываются.

– Да, не забываются, – согласилась мать. – И это хорошо. Потому что о женщинах, ранивших в самое сердце, никогда не забывают. Их ненавидят и любят – всю жизнь.

– И что ты предлагаешь?

– Поди к нему.

– Ты с ума сошла! – возмутилась Анна. – Это унижительно – за мужиком бегать.

– Можно все организовать. Якобы случайную встречу.

– Ага, шито белыми нитками...

– Тогда пусть Женька к нему сходит. Они же рядом живут, на одной улице. Она все разузнает, прощупает почву, скажет ему, что ты одна сейчас, и ты все такая же прекрасная, и вспоминаешь о нем, и жалеешь, что отвергла когда-то. Если он не дурак, если он до сих пор что-то чувствует к тебе, этот твой Сереженька, то после этих слов сам к тебе прискачет.

Анна задумалась. Она опять мысленно согласилась с мате-

рю. У них вот так всю жизнь было – спорили с Ниной Георгиевной, даже ссорились, но потом Анна неизменно признавала правоту матери. И это такое счастье, когда рядом есть подобная мама... Теплая, любящая, равнодушная, всегда готовая поддержать.

– Ладно, ты подумай. Сама к Женьке сходи, собиралась же. Тася сейчас ушла, Женька одна дома.

Мать скрылась в доме, а Анна продолжала сидеть за столом. Легкий летний ветер слегка раскачивал цветы в саду. Пахло нагретой листвой и как будто медом. А над садом, над всем городом простиралось огромное, ярко-синее, без единого облачка небо. Небо, переходящее в космос, где звезды, планеты и переливающиеся разноцветными огнями туманности, напоминающие россыпь драгоценных камней (Анна видела недавно картинку в учебнике дочери, Лизы).

Это был тот самый миг, редкий и удивительный, когда человеку дается ощутить глубину и прелесть этого мира.

Вот и Анна сидела словно завороченная: светом, теплом, запахами, ласковыми прикосновениями ветра к лицу. Она в этот миг словно сама была и цветами, и пчелами, и небом, и звездами. Она, молодая женщина – тоже частичка всеобщей красоты, что царит вокруг. А жизнь настолько добра, что опять возвращает все на круги своя.

«Сергей меня помнит, я это знаю, я это чувствую, – подумала Анна. – И потому у него самого личная жизнь не заладилась – обо мне не мог забыть. И он придет ко мне, я это

тоже знаю. И поразится – насколько я осталась той, прежней. Все говорят, что я не просто не изменилась, а стала даже лучше...»

Анна невольно вспомнила своих ровесниц, одноклассниц. Просто удивительно, как именно в этом возрасте, условно говоря – под сорок лет, – женщины резко разделяются на две группы. Одни превращаются в скучных баб, других и женщинами никто не называет, в голову не приходит, они для окружающих все еще девушки.

Анне повезло (и генам спасибо, и себе самой, неленивой), что она не обабилась. Как, например, обабилась Валька Полушкина, вернее, ныне Валентина Харитина, по мужу. Бывшая одноклассница. Была Валя таким ангелочком, а стала... Сидит сейчас кассиршей на вокзале, за стеклом, никто ее из бывших приятелей не узнает. Превратилась в огромную бесформенную тетку, одетую в эти ужасные балахоны, ненакрашенную и неухоженную. Как только Марат, ее муж, терпит. Хотя, с другой стороны, Марат – такой же лапоть, обычный таксист...

Анна, наконец, смогла стряхнуть с себя оцепенение. Поднялась, прошла к себе в комнату, переоделась с особым тщанием – в бледно-голубое, воздушное платье, тоже, кстати, подарок бывшего мужа. Платье было весьма интересным – с одной стороны, оно казалось полупрозрачным, настолько легким был материал, с другой стороны, а ничего и не видно, обломитесь.

Бывший, Владик, обожал наряжать всех, особенно жену. Он и сейчас слал иногда посылки Анне и дочери, чем несказанно злил свою нынешнюю супругу.

Они разошлись миром, поняв, что совершенно разные. Владик, что называется, ходок, Анна же – не отличалась всепрощением. В качестве отступного Владик перед отъездом в Москву подарил Анне маникюрный салон в центре города. Да и сейчас не забывал, постоянно посылал хорошие подарки. Хотя, конечно, лучше бы деньгами...

Анна перед уходом заглянула в комнату дочери.

Лиза лежала на диване в наушниках, болтала ногой, наверное, в такт музыке, и одновременно пальцем тыкала в экран планшета.

Дочь выглядела старше своих лет – высокая, атлетического сложения, с каскадом выющихся золотисто-рыжих волос до пояса. Все принимали ее за младшую сестру Анны.

– Мам, ты куда? – стянув один наушник вниз, спросила Лиза.

– К тете Тасе, там Женя приехала.

– Можно с тобой?

– Нет, не надо. И... вот что. Если к нам один человек придет, то ты... ты как?

– Мужчина?

– Да. Очень хороший человек.

– Мам, ну чего ты как маленькая... Конечно, я не возражаю. Я ж не дура. Я через два года к папе в Москву уеду,

в институт поступать, а ты тут одна... Не, я не против, приглашай кого хочешь.

– Ты мой ангел... – послала воздушный поцелуй Анна.

Заглянула и в гостиную – там в кресле, подобно императрице, восседала бабуля, Варвара Платоновна Кирсанова, завтрашняя именинница.

Бабуля сосредоточенно смотрела какую-то отечественную мелодраму. Анна не стала ей мешать, тихонько притворила дверь и покинула дом.

Минут десять-пятнадцать она шла пешком – до дома тетки. Можно было, конечно, вызвать такси (Марат Харитин был готов приехать в любой момент либо прислать кого-то из своих сменщиков), но Анна не хотела ждать. Вернее, надеялась – а вдруг. А вдруг столкнется нос к носу с Сергеем. Это была бы идеальная встреча...

Но в этот раз не случилось.

Вот и дом тетки – длинный старый барак, правда, несколько отремонтированный, усовершенствованный местными властями, но барак и есть барак.

Анна перешагнула низкий забор, приблизилась к окну, за распахнутой створкой трепетала на ветру кружевная занавеска.

– Жень... ты дома? – крикнула Анна.

Занавеска сдвинулась в сторону, и в окне показалась физиономия двоюродной сестрицы. «Все такая же!» – с разочарованием, с насмешкой подумала Анна, впервые после до-

вольно длительного времени вновь увидев Женю.

– Ой, Аня... Привет! Проходи! – улыбнулась сестра – своим огромным ртом.

Анна зашла внутрь. Все тот же интерьер тридцатилетней давности – старая мебель, скучные обои, тряпичная люстра...

– Садись. Ну как ты? Какое платье...

Анна осторожно опустилась на продавленный диван, Женя села на стул напротив. Двоюродная сестра была в широких голубых джинсах из мятой тонкой ткани и безразмерной белой футболке.

– Жень, ты в курсе, что Сережа Ларионов приехал?

– Да, – почему-то нахмурилась Женя.

– Сходи к нему, – сразу приступила к делу Анна.

– Я?!

– Ты. Вы соседи почти. Это будет выглядеть вполне нормально со стороны, если ты вдруг решишь навестить Сережу.

– Но зачем?!

«Какая она бестолковая... и упрямая!» – почувствовала Анна прежнее, почти полузабытое уже, но теперь вспыхнувшее новыми красками раздражение. Женя всегда бесила ее.

– Мне это надо, – коротко произнесла Анна.

– Аня, я никуда не пойду!

Анна помолчала, пытаясь успокоиться. Она не хотела в первые минуты этой встречи наговорить резких слов своей кузине.

– Ты помнишь... я когда-то встречалась с ним, – обронила Анна.

– Помню. А потом тебе Сергей показался неровней, и ты его бросила. И тут же вышла замуж за Владика.

– Ну что за фантазии. Неровней? Просто... просто в юности вот так случается. Встречаешься с одним, потом влюбляешься в другого, – сдержанно произнесла Анна. – Разве с тобой, Женечка, такого не бывало?

Женя закусила губу. Конечно, с ней такого никогда не бывало, – подумала Анна. Нет, тетя Тася как-то обмолвилась, что Женя вроде с кем-то встречается – там, у себя, в Москве, но, судя по всему, те отношения ни к чему не привели.

Женя – старая дева и синий чулок в одном флаконе. Вдруг кузина забормотала, глядя куда-то в сторону:

– Мне мама этим утром рассказала, что Сергей стал успешным человеком. Какое-то наследство ему приплыло несколько лет назад, и теперь у него квартира в Москве на Тверской чуть ли не с видом на Кремль...

– На Патриарших, – поправила Анна.

– ...и что он стал известным художником, даром, что ли, покойный дядя, Арсений Андреевич, учил Сергея живописи... Это правда, Ань?

– Правда, – спокойно произнесла Анна. – Я слышала, у Сергея даже есть собственный офис в Лондоне. Его картины с бешеным энтузиазмом скупают те, кто давно эмигрировал из России. Типа, что-то в них такое, ужасно ностальги-

ческое...

– Ты видела его картины? – повернулась Женя.

Анна кивнула:

– Да, нашла сайт в Интернете. Правда, ничего не поняла, там все на английском. Сами картины неплохие вроде, но я в живописи не разбираюсь.

– И с женой он развелся, ты это тоже слышала, значит, – мрачно произнесла Женя. – И теперь думаешь возобновить отношения с Сергеем.

– Нет, я ничего пока не думаю, я раньше времени стараюсь не загадывать, но... Честно, я хотела бы с ним встретиться, поговорить. Интересно же! – улыбнулась Анна. – Поэтому будь доброй сестрицей, загляни к Сереже Ларионову. И желательно сегодня, поскольку завтра вечером у бабушки юбилей.

– Нет.

– Женя!

– Я тебе не девочка на побегушках, как в детстве...

– Женя, ну что за глупые счеты, я тебя по-хорошему прошу...

– Нет. Нет, нет и нет! – огрызнулась Женя.

– Если мне удастся сегодня встретиться с Сергеем, то я смогу вполне официально пригласить его на завтрашний юбилей бабули. Она его хорошо помнит, кстати, с большой теплотой о нем до сих пор отзывается... Ты, Женечка, не хочешь доставить своей старенькой бабушке удовольствие?

Это ведь у нее завтра праздник, на котором она хотела бы видеть рядом с собой как можно больше знакомых и родных лиц, — из последних сил стараясь сохранить терпение, спокойно произнесла Анна.

— Нет, — отчеканила упрямая кузина.

— Ну ты эгоистка! — все же, не выдержав, взорвалась Анна.

— А ты — манипуляторша. И демагог. Бабушкой прикрываешься! Нет, Аня, это твои проблемы, и ты их сама решай, не впутывай в свои дела других людей...

— Я прошу тебя — как родного человека.

— Когда это я была тебе родной?! Ты, сколько я тебя помню, всегда вела себя точно королева, а других считала за своих слуг...

— А ты, Женечка — злобное, несчастное существо. Несчастное именно потому, что ненавидишь весь мир, особенно меня. И я знаю, почему ты меня ненавидишь.

— Почему? — вытаращила глаза двоюродная сестра. Глаза, надо сказать, были у Жени большими. Впрочем, выделялся и длинный нос, и уши... Словом, все черты лица были крупные, почти карикатурные.

— Потому что ты всегда завидовала мне, — глядя в эти глаза-блюдца, отчеканила Анна.

— Я — тебе?

— Да, — кивнула Анна, чувствуя, как у самой раздуваются ноздри от гнева. — Мне повезло родиться красивой, а тебе — нет. Ты всегда завидовала моей внешности. И моему

счастьем. Тебя ведь всегда бесило, признайся, что у меня есть поклонники. Я была замужем долго и счастливо, а ты – нет. Да, мы с Владиком разошлись, но не врагами, и я все равно счастлива – даже в своем несчастье! Потому что меня любили, а тебя – нет. А еще у меня есть дитя, я мать, да, я мать чудесной девочки, девушки уже – живого, взрослого почти, умного и красивого человечка, а у тебя – никого. Ни котенка, ни ребенка.

Кажется, Анна сумела поставить свою кузину на место – Женя теперь смотрела на нее неподвижными, огромными глазами, полными ужаса.

– Я – тебе – завидую? – наконец, разомкнула губы сестрица. – Ань, ты правда так думаешь?

– И даже больше того. Тебя сама жизнь наказывает за твою злобу. И пока ты не исправишься, не станешь добрее к своим близким, твоя жизнь не изменится в лучшую сторону, – договорив эту фразу, Анна решительно поднялась, направилась к двери. Повернулась, перед тем как выйти: – Да, пожалуйста, не забудь, что вас с тетей Тасей ждут завтра. Бабуля ждет. У нее юбилей. Восемьдесят пять лет человеку, и будет гадко, если ты вдруг решишь отомстить мне. Не вздумай не прийти. Я-то что, переживу. Но ты убьешь бабулю своим хамством, вот чего я боюсь.

Анна покинула дом тетки. Кузина так и не смогла ей ничего ответить.

На улице Анне стало немного легче. Она отдышалась, стоя

на дороге. Огляделась – тихая улочка, ни машин, ни людей. Бродить по этой улице взад-вперед, дожидаясь, когда появится Сергей? Да это сколько часов можно потратить на бесполезное ожидание! Попросить маму заглянуть к Сергею? Нет, это почти сводничество. Обратиться за помощью к тете Тасе? В сущности, и тетка – тоже чужой человек. Да и тетя Тася не сможет достойно выполнить эту миссию. Придет к Сергею, скажет своим заунывным деревянным голосом: «Сергей, о тебе Аня спрашивала, зайди к ней, а?» Фу. Тетя Тася точно все испортит.

Идеальным вариантом и правда являлась именно Женька. Ее визит к Сергею был бы максимально естественным. Но она отказалась. И что теперь делать?

Анна вернулась домой – расстроенная, мрачная.

– Как? – встретила ее мать. – Не получилось? Женьки нет дома?

– Да дома она, но отказалась идти к Сергею. И тебе не надо идти к нему, и тете Тасе. Я это прям чувствую.

– Женька отказалась тебе помочь? – ахнула Нина Георгиевна. – А чем она это мотивировала?

– Да ничем. Не хочу, не буду. И все.

– Вот она злая. Наверняка тебе завидует.

– Это естественно, мам, – Анна чмокнула мать в щеку.

– Может, у нее от ее учености с мозгами... не того стало?

– Перестань. Какая ученость! Она в обычном НИИ работает, в лаборатории. Считай, заурядный офис, только со-

трудники в белых халатах. Им дали задание, они его выполняют. Новую формулу анальгина изобретают с какой-нибудь добавкой. Назовут иначе, а потом в аптеках за это лекарство в два раза дороже слупят, продавая его больным людям... Вот и вся Женькина «ученая» работа.

– Да? Надо же...

– И денег ей тоже немного платят, она еле ипотеку выплатила, еще на трех работах калымила, как-то сама мне призналась, в переписке... Я считаю, при Женькиной специальности она могла в аптеку фармацевтом устроиться, сейчас бы уже до заведующей доросла...

– Да уж...

– А как она плохо выглядит, мам... Ты ее завтра увидишь, убедишься.

– Постарела?

– Нет, нет, не в этом дело, – поморщилась Анна. – Ей сколько сейчас, тридцать два? В ее возрасте уже можно было научиться ухаживать за собой. Как-то маскировать свои недостатки при помощи правильного макияжа, прически. Одеваться соответственно. Да, и пластическая хирургия сейчас всем доступна, не такая уж она дорогая.

Мать вздохнула, развела руками.

На крыльцо, опираясь на палочку, вышла Варвара Платоновна.

– А что, девочки, Тасю с Женей позвали? – подумав, низким старческим голосом спросила она.

– Позвали, мама, конечно позвали!

– Это хорошо, – тряхнув снежно-белыми, еще густыми, стриженными до плеч волосами, изрекла бабушка. Затем, стуча палкой об пол, медленно развернулась и вновь исчезла в доме.

– А ты знаешь, мне кажется, мама Женьку тоже не особо любит, – шепотом произнесла Нина Георгиевна. – Она тебя любит, ты ее настоящая внучка, Анечка. И Лизку она обожает! Но мамочка соблюдает приличия. Это человек традиций и старых правил.

– И еще один важный момент: бабуля тебя больше любит, чем тетю Тасю, – усмехнулась Анна.

– Да. Да. Я была старшей. Первой. Желанной. А Тася, мама говорила, получилась у них случайно, они с отцом так скоро не хотели новых детей. Между нами же всего два года разницы... Но в те времена, ты сама слышала, с предохранением было не очень, и вообще... Папа, насколько я знаю, очень мечтал о мальчике когда-нибудь. А Тася... Ну я не знаю, нехорошо так говорить о родной сестре, она всегда была какой-то холодной, заносчивой, что ли. Ничьих советов не слушала, вышла замуж за этого алкоголика, он потом спился, умер. И Женька росла точно трава подзаборная, Тася совершенно не занималась ее воспитанием, позволяла все. Женька же чуть не до ночи всегда где-то шлялась... Это просто счастье, что у нас городишко тихий, а так бы... Нет, вот я тебя никуда одну не отпускала, даже когда тебе двадцать ис-

полнилось, только с Сережей позволяла выйти... Ты же мое сокровище, Аня!

* * *

После визита двоюродной сестры Женя долго не могла прийти в себя. Сидела все на том же стуле – изумленная, точно пришибленная, и разводила руками, мысленно продолжая разговор с кузиной.

«Я завидую? Завидую? Красоте и счастьем? Я?! Стоп, а вдруг и правда завидую? Да как-то мне все равно, Анечка, я об этом и не думала... С чего ты взяла, что я тебе завидую?...»

Пожалуй, Женю всегда раздражало, что двоюродная сестра командует ею – что делать, а что нет. Помнится, в детстве, когда Женя еще жила в Кострове, Анна нередко отправляла ее куда-то по своим делам, просила ее прикрывать в каких-то своих девичьих авантюрах... Все указания Анна давала все тем же усталым, безапелляционным тоном. Вынь да положь. Когда сегодня повторилось нечто подобное, Женя в первый раз не выдержала – взорвалась.

Наверное, потому, что Анна требовала, чтобы Женя отпиралась к Сергею.

А это невозможно. Нет, нет. Надо забыть этого человека, не думать о нем, не вспоминать, не стремиться к новой встрече.

Потому что все равно ничего не выйдет.

Да хотя бы потому, что Анна изъявила желание возобновить отношения со своей первой любовью, и тут Женя красавице-сестре не конкурентка, это правда.

Однако почему Анна переменялась по отношению к Сергею? Это ведь правда, она той далекой осенью, разорвав отношения с Сергеем, с утра до ночи твердила ожесточенно: «Он мне не пара, мы с ним неровня!»

Но это странно звучало. Сергей, если рассуждать объективно, был ей вполне ровней по всем социально-экономическим показателям. Оба происходили из хороших семей примерно одинакового достатка, оба с одинаковым образованием, вернее, без образования еще, поскольку Сергей только вернулся из армии, а Анна так и не надумала куда-то поступать.

Скорее Аня была неровней Владику – внезапно объявившемуся очередному ухажеру. Сын известного в городе адвоката, у которого имелись огромный каменный дом за кованой оградой, больше напоминающий средневековый замок, а также деньги и связи. Владик – юноша-мажор на собственном авто, и вот как раз Аня-то и недотягивала до его уровня.

Но тут все понятно, конечно, Анна предпочла более успешного кавалера. Или правда влюбилась во Владика... Да кто знает?

Только вот почему Сергей вдруг стал так интересен Анне? Не потому ли, что он нынче известный и богатый человек? И вообще, любила ли его Аня когда-нибудь?

Женя зажмурилась, сжала кулаки, мысленно вновь возвратившись в ту далекую осень.

Густой туман. Музыка доносится из раскрытой форточки. Черные камни влажно блестят под ногами. Луны нет, пахнет опавшей листвой. Отдаленное тарахтение мотоцикла. Потом затихает внезапно, что-то вроде хлопка – словно кто-то резко захлопнул окно.

Где ты, где ты, где ты...

Чьи-то торопливые шаги. А вдруг это он?

Но нет, откуда-то снизу, от переулка, навстречу торопливо бежит Анна в черном плаще.

Одна, ночью? Нина Георгиевна никогда не выпускала свою дочь одну в столь поздний час. Разве что только в компании или с Сергеем.

Женя подалась к ней.

Но сестра, не глядя, скользнула мимо, убежала прочь.

Наверное, именно в тот вечер Анна и рассталась с Сергеем. Гуляли вместе и разругались.

Лицо у Ани было тогда злым и испуганным. Словно она увидела что-то такое... Странное?

Нет, не так. Помнится, из рассказов окружающих (а в маленьком городке всем до всего было дело), Сергей настолько переживал из-за этого разрыва, что буквально на коленях стоял перед Анной. И, возможно, даже обещал наложить на себя руки. Слабость до безумия влюбленного юноши...

Вот это, наверное, и испугало, разозлило тогда Анну. Но

никакой любви, никакого сожаления, если вспомнить, на лице двоюродной сестры в тот вечер не отражалось. Только испуг и злость.

«Как она могла отказаться от Сергея, такого хорошего? – горестно думала Женя теперь, уронив руки на колени, опустив голову. – Он же лучше всех, лучше Владика... Необыкновенный, прекрасный. Умереть за него не жалко. И это все не незавершенный гештальт у меня, не болячка на душе, которую я вечно расчесываю. Как можно так принижать свою единственную любовь, называть ее гештальтом и болячкой? Стараться забыть ее, избавиться? Да это лучшее, что было в моей жизни!»

Это открытие – то, что безответная любовь к Сергею Ларионову является самым ярким, важным и прекрасным событием ее жизни, – почему-то раньше совсем не приходило в голову Жене.

Зачем же и дальше продолжать лгать себе?

– Я люблю тебя. Ты знаешь, а я очень люблю тебя, Сережа! – пробормотала Женя. Провела рукой по лицу – щеки были мокрые от слез. Но от слез, вызванных счастливыми эмоциями.

«Конечно, роман между нами невозможен. Даже мечтать бесполезно. Но у меня есть ты – в моей голове, в моем сердце, и, значит, я не зря живу. Будь и ты счастлив, пожалуйста. Без меня, с кем-то еще. Да хоть и с Анной... Но будь счастлив!»

Эйфория овладела Женей, откуда-то появилась энергия, бодрость. По сути, ничего не прибыло, ничего существенно-го, важного не произошло, в ее положении даже надеяться на отношения с Сергеем было бесполезно. Зато теперь, после этого открытия, появилось главное – любовь. Значит, не зря жила, значит, не страшно будет потом умирать, если есть любовь, пусть и безответная. Любовь ведь как солнце – светит и придает силы.

«А мне и не надо ничего больше!» – окончательно умиротворенная, призналась самой себе Женя.

Она улыбась и решила прогуляться по Кострову – на этот раз без всякой надежды встретить Сергея. Да, он тут, в городе, да, чисто теоретически есть небольшая вероятность столкнуться с ним нос к носу на улочках старинного городка, но к чему иллюзии? Даже если они встретятся, даже если Сергей узнает Женю (что тоже маловероятно, ведь столько лет прошло), эта встреча ей ничего не принесет. И ни к чему не приведет.

Отныне – свободна и счастлива. Свободна и счастлива...

Теперь она любила и ценила себя – как некий сосуд, внутри которого пряталось сокровище – ее любовь к Сергею. Нет, Женя и раньше не стремилась себя принизить, даже наоборот – принимала себя со всеми недостатками, и с этой своей откровенной некрасотой даже, но лишь теперь она почувствовала себя по-настоящему счастливой. Довольной всем.

И даже ее гнев на Анну куда-то сам собой улетучился.

Женя скинула с себя домашнюю одежду, переоделась в то, в чем приехала: узкие джинсы, клетчатая рубашка навыпуск. Причесала волосы, вернее, причудливо растрепала их, часть заправив за уши, часть оставив висеть у щек. Так уши торчали сквозь волосы, делая Женю похожей на эльфа. Это забавно и модно. Зачем прятать свои недостатки, не лучше ли подчеркнуть их, превратив в достоинство?

Накрасила ресницы, бледно-розовым блеском обвела губы. «Ну хорошенькая же! – с одобрительной иронией подумала Женя, глядя на свое отражение. – И, главное, ни на кого не похожа, ни на кого!»

Она надела кроссовки, перебросила через плечо матерчатый рюкзак и вышла из дома.

Спустилась крутыми, горбатыми улочками к реке, побрела в тени деревьев по набережной. Вдоль железной ограды совершали степенный променад пожилые пары; стремительно, по специально выделенной дорожке, время от времени мчались мимо велосипедисты. В стороне на надувном батуте прыгали дети. Тем временем к пристани причалил прогулочный теплоход.

Женя остановилась у перил и принялась наблюдать, как он швартуется, как отдает команды статный капитан в белой фуражке, а затем на пристань выгружается толпа туристов.

Какой-то старик лихо играл на аккордеоне, встречая гостей.

Женя улыбнулась и направилась в город. Там она прогу-

лялась по проспекту и наконец вышла на одну из центральных улиц. Здесь с обеих сторон теснились кафе и магазины и было довольно много народу. Но скоро толпа туристов схлынула, поскольку экскурсовод повел своих подопечных к ближайшему монастырю, и Женя теперь уже свободно бродила по улице от витрины к витрине. Полуденное солнце припекало затылок. Тогда Женя купила себе бейсболку, надела ее на голову козырьком назад.

Остановилась у витрины антикварного магазина – там были выставлены старинные украшения – тяжелые серьги, массивные ожерелья. «Бабушка любит украшения. Допустим, подарок я ей привезла, но интересно, сколько стоят вон те серебряные серьги с фиолетовыми камушками, ее любимый цвет... Может, зайти, спросить?» – Женя подняла глаза, взгляделась сквозь стекло внутрь магазинчика. Там царила полутьма, но двое мужчин беседовали у лакированной стойки из темного дерева.

Один – полный бородатый старик в бархатной тубетейке, с четками в руках. Вероятно, хозяин: уж больно свободно и весело он поводил глазами, напоминающими крупные черные маслины. Напротив него, спиной к Жене, стоял высокий, крупный мужчина в джинсах и льняном мятом пиджаке с подвернутыми рукавами. Можно было предположить, что это покупатель...

Магазин работал, судя по всему, и Женя решила дождаться того момента, когда хозяин освободится.

Посетитель в льняном пиджаке что-то оживленно говорил и говорил, затем оказался к Жене вполоборота... и вот уже полностью повернулся.

Довольно длинный нос, ложбинка на подбородке, словно разделяющая его надвое... И губы. Как описать их, твердые и одновременно мягкие? Красивые, крупные мужские губы, напоминающие губы античных статуй. Женя стояла словно замороженная и смотрела на эти губы.

Волосы. Волосы у этого мужчины были густыми, зачесанными наверх и назад. Но темные. Только вот почему но?

«Это не Сергей, – безмятежно подумала Женя. – Ну что же я как дурочка, везде и всегда ищу только его? У Сергея светлые волосы, это не он. Нос, подбородок, губы, фигура – вроде похожи, но это точно не он!»

Тем временем мужчина, напоминающий Сергея Ларионова, закончил разговор с вальяжным стариком и направился к выходу.

Женя немедленно повернулась спиной к выходу, чтобы мужчина не увидел ее лица. Зачем? Просто на всякий случай. Чтобы не маяться от лишних иллюзий...

– Женни, – раздалось сзади.

Внутри у нее все сжалось и похолодело, несмотря на жаркий летний день.

– Женни, это ведь ты? – Голос был не его. Или его? За семнадцать лет Женя забыла, как звучит голос Сергея.

Голос же за ее спиной звенел веселыми, приветливыми

нотками.

Женя медленно повернулась.

«Он!!!» – Ее сердце бухнуло куда-то в район желудка.

– Точно, это же ты, Женни... – улыбнулся мужчина, отчего его подбородок разделила ложбинка. – Ты меня не помнишь?

Женя молчала, глядя на мужчину снизу вверх. Все-таки это был он, Сергей Ларионов. Только много старше. Не юноша, а взрослый мужчина теперь. Но при этом несколько не полысевший, не поседевший и даже не пузатый. Просто взрослый, интересный мужчина. Словом, он выглядел лучше, чем можно было вообразить до того.

– Это я. Сергей. Сергей Ларионов. Ну конечно, ты меня не помнишь... – опять добродушно засмеялся он. – А я тебя сразу узнал, когда ты там стояла, у витрины. Тебя невозможно не узнать.

Он говорил, а его губы смыкались и размыкались, и верхняя чуть выдавалась, своей слегка изогнутой формой напоминая дугу от лука, к которой крепится тетива. И эта ложбинка на подбородке. Глаза – светло-серые. Морщинки возле глаз. И кожа лица – более грубая, что ли, уже не юношеская. Мужская кожа, за долгие годы задубевшая от ежедневного бритья.

Это был совсем не тот, прежний юноша, которого запечатлела в своей памяти Женя, теперь перед ней предстал совершенно другой человек. Тоже приятный и интересный, но

другой. Только сейчас Женя смогла понять, что не знает этого нового, незнакомого Сергея Ларионова.

– Привет, – сказала она и вдруг улыбнулась.

Да-да, каким-то невероятным, мистическим почти образом Женя смогла сбросить с себя напряжение. Наверное, потому, что осознала, насколько реальность отличается от ее прежних фантазий. Да еще и сам Сергей, судя по всему, жаждал общения со своей давней знакомой.

И это было приятно.

Всегда приятно и легко беседовать с людьми подобного типа. Открытыми... Они смотрят и словно глядят своего собеседника взглядом.

– Ой, привет, Сергей! – и Женя, сама не понимая, что делает, потянулась ему навстречу, раскинула руки.

И он тоже раскинул руки и обнял ее.

Вблизи Сергей пах каким-то едва заметным, чуть сладким одеколоном (или средством для бритья).

Обнимая его, Женя поняла, насколько он выше и крупнее ее. Высокий статный мужчина.

– А я смотрю – кто это такая... Женни! А ты меня не узнала, не спорь... В первый момент смотрит так удивленно и глазами хлопает!

– Да как мне тебя узнать, когда ты был светленький, а стал темненький!

– Я – темненький? – Он отстранился, провел ладонью по волосам.

– Да, ты какой-то другой, – глядя на него с обожанием, сказала Женя. – А ты здесь, оказывается, в Кострове?

– И ты здесь. А я тут сто лет не был, веришь ли. Дядя Арсений умер, ты в курсе? – Улыбка вдруг сошла с его лица, взгляд Сергея стал мягким, задумчивым.

– Соболезную.

– А ты-то как, Женни? Расскажи, если хочешь, то, что считаешь нужным: самому мне неловко задавать вопросы.

– А нечего рассказывать, – пожала она плечами. – Правда. Я сюда к бабушке на юбилей приехала. Он завтра. Хочешь, приходи. Она тебя помнит, – легко произнесла Женя. «Ну вот я и выполнила поручение Анны, – подумала она. – А что, не жалко!»

Сергей пожал широкими плечами, глядя куда-то в сторону.

– Н-нет. Неудобно, – произнес он не сразу. Потом опять посмотрел Жене в лицо: – А ты торопишься куда-то, я тебя не задерживаю?

– Нет, – сказала Женя.

– Тогда давай посидим где-нибудь, поболтаем?

– Давай.

– А вон туда, кажется, там летнее кафе...

И они пошли рядом.

– Ты такой высокий, – удивленно произнесла Женя, поглядывая на Сергея со стороны.

– Наверное, еще вырос. И потемнел, – улыбнулся он. – Но

ты, Женни, вот честное слово, все такая же девчонка.

Они расположились за столиком под широким тентом.

– Я угощаю.

– Хорошо.

– Что ты будешь?

– Мороженое. Вот, ванильный пломбир.

– Девушка, можно нам два пломбира? – обратился Сергей к подошедшей официантке – невысокой, коренастой особе с волосами, возможно, накладными, собранными на затылке в затейливый хвост. Кажется, Женя знала когда-то эту официантку, во всяком случае, ее лицо показалось знакомым.

Да и официантка тоже припомнила Женю: приподняла брови, явно собираясь что-то сказать, но передумала, метнув свой следующий взгляд на Сергея. Вероятно, женщина решила не мешать чужому свиданию.

– Я так рад тебя встретить, – когда официантка отошла от их столика, обратился Сергей к Жене.

– Почему? – спросила она.

– Потому что у меня возникает ощущение, когда я вот так смотрю на тебя, что времени нет. Ничего не изменилось.

«Он, наверное, вспомнил сейчас об Ане. Я у него с ней ассоциируюсь!»

– Ты не хочешь перемен? Хочешь вернуть прошлое?

– Немного не так... Без перемен не обойтись, я понимаю, и ушедшие годы тоже уже не вернуть. Да и не жалко их, если подумать. Дело в другом. Я, если хочешь знать, теперь ловец

прошлого.

– Это как? – удивилась Женя.

– Как-то само собой получилось! – легко вздохнул Сергей, и опять его подбородок разделила ложбинка. – Я рисую по памяти. То, что видел двадцать, тридцать лет назад.

– Ты художник, я слышала.

– Нет. Это мой дядя Арсений был настоящим художником, а я – ловец прошлого. Я запечатлеваю на холсте картинки из далекого прошлого, и люди мне платят за свои воспоминания.

Женя вдруг вспомнила, что Нина Георгиевна недолюбливала Сергея. Да и сама Анна часто злилась на него – вот именно за эту расплывчатость речи, отсутствие конкретики. Мужик не должен так говорить, так вести себя – считала Нина Георгиевна, а вслед за ней скоро – и ее дочь. Вот взять бывшего мужа Анны, Владика – абсолютно земной, твердо стоящий на ногах мужчина. Все по делу, и никаких абстракций и лирики. И никаких метафор или сравнений! Владика Нина Георгиевна обожала до сих пор, кстати.

«Рыба! Сережка по гороскопу – Рыбы, а я ненавижу этот мутный знак!» – как-то заметила Анна, объясняя много лет назад, почему в том числе она рассталась с Сергеем.

А Жене, не особо верящей в гороскопы, тем не менее всегда была мила именно эта мягкая неопределенность в характере Сергея. Она не понимала «конкретных» мужчин, считала их слишком простыми, прямыми. А вот водная, текучая,

тревожная и нежная натура Сергея нравилась ей. И это было вовсе не проявление недопустимой у «настоящего мужика» женственности или слабости. Наоборот, Женя находила в подобном поведении проявление силы и искренности. Поэтому что Сергей не боялся быть самим собой. А Владик – тот всегда старался казаться. Казаться настоящим мужиком.

– Красиво звучит – ловец прошлого, – задумчиво произнесла Женя. – Ну а я тогда, получается, ловец эмоций.

– Это как? – с интересом спросил Сергей.

– Я биохимик по образованию. Как раз занимаюсь разработкой новых успокоительных. Наши эмоции – это все результат биохимии. Гнев, страх, тревога – результат выброса в кровь определенных веществ. Которые иногда очень мешают жить человеку. И моя задача, вернее, задача нашей лаборатории – найти такое лекарство, которое избавило бы от всех этих ненужных, тягостных эмоций.

– Здóрово, – с восхищением произнес Сергей. – А я помню, в детстве читал роман братьев Вайнеров – «Лекарство против страха». Там как раз об ученом, который изобрел лекарство, помогающее людям не бояться.

– Ну вот, считай, ты представляешь, чем я занимаюсь... – усмехнулась Женя.

Официантка принесла мороженое.

Женя и Сергей ели его и болтали, словно старые друзья. И это было странно – раньше-то, семнадцать лет назад, они лишь парой фраз могли переброситься, да и только. А теперь

вдруг у них столько общего оказалось...

– Да, а что там столь внимательно рассматривала, в антикварной лавке? – спохватился посреди беседы Сергей.

– Серьги. На витрине лежали серьги с фиолетовыми камнями, это любимый бабушкин цвет. Я ждала, когда продавец освободится... А это оказался ты, ты говорил с продавцом!

– Ох, я помешал тебе сделать покупку!

– Да ничего. Ерунда. Подарок у меня уже есть. Обычное любопытство... На всякий случай. Я не собиралась ничего покупать. Просто спросить хотела у продавца...

– Только это был не продавец, а хозяин антикварной лавки. Ну да не важно...

– Да, какая разница... Вкусное мороженое... А ты что там делал, в этой лавке? – Женя отставила от себя пустую креманку.

– Я, Женни, договаривался о продаже того, что осталось от дяди Арсения. Часть хочу продать, часть отдам в местные музеи, очень много картин, видов Кострова... Остальное раздам, наверное. Ох, елки, опаздываю же, ко мне прийти обещались! – Он поспешно взглянул на наручные часы. – Девушка, счет, пожалуйста, – подозвал он официантку. Обернулся: – Ты еще в городе будешь, Женни?

– Да, наверное, – пожала она плечами. – А почему ты называешь меня Женни, всегда хотела тебя спросить?

– Это стихотворение одно есть. У Гейне. Обращенное к Женни фон Вестфален – кстати, будущей жене Карла Марк-

са. Ну все, прости меня, пока. — Он положил купюру в кожаную папку, которую принесла официантка, поднялся из-за стола, быстро поцеловал Женю в щеку и ушел.

Женя тоже покинула летнее кафе, побрела куда глаза глядят по пешеходной улочке, мимо магазинов и кафе, мимо старинных малоэтажных особняков. Она все еще не могла прийти в себя, все еще не могла поверить в случившееся. Она все-таки встретила с Сергеем Ларионовым!

Как легко теперь на сердце и... пусто. Куда-то улетучились, исчезли все прежние фантазии Жени о Сергее. Они оказались выдумкой. Настоящий Сергей — совсем другой человек, получается. Хотя даже лучше, чем воображала себе Женя.

Любить ли ей теперь и дальше этого нового Сергея? Или проститься с иллюзиями уже навсегда? Женя не знала. Ей хотелось и плакать, и смеяться одновременно.

А почему Сергей не спросил об Анне? Много говорил о прошлом, но так, словно в этом прошлом не существовало Анны. Забыл о своей первой и неистовой любви? Или, наоборот, воспоминания столь остры, что говорить о ней ему все еще больно?

...На следующий день Женя с Таисией Георгиевной отправились в дом Кирсановых. Дом, кстати, остался все тем же, основательным и уютным, крепким — когда-то постарался их прадед, возводя его со всем тщанием, на века. И сад выглядел чудесно — полный деревьев и цветов.

Торжество Кирсановы решили устроить на большой веранде – благо погода располагала. Там стоял длинный стол, покрытый белой скатертью.

– Девочки мои пришли, – поднялась навстречу Варвара Платоновна. И церемонно расцеловалась с Таисией Георгиевной, Женю же сначала долго разглядывала.

«И бабуля не изменилась... Хотя нет, она теперь с палочкой ходит!» – невольно заметила Женя.

– Бабушка, здравствуй!

– Ты, милая моя, знаешь, кто? – скрипучим низким голосом произнесла Варвара Платоновна, обращаясь к Жене.

– Кто?

– Да ты – самая настоящая царевна-лягушка.

– Это как, мам? – удивленно спросила Нина Георгиевна.

Вот тетя – постарела, пополнела...

– А когда еще не царевна, а уже и не лягушка. Наполовину шкурку сбросила... Вот так взглянешь – вроде красавица, а так – невидная, обычная. – Варвара Платоновна сначала наклонила голову к одному плечу, затем к другому. – Она ведь интересная у тебя девчонка получилась, Тася. Оригинальная!

– Спасибо! – Женя поцеловала бабушку в нежную, словно шелк, морщинистую щеку. – А это кто? Лиза! Лиза, как ты выросла!

Женя обняла племянницу. Лиза превратилась в прекрасную девушку. Волосы ее напоминали золотое руно; неж-

но-розовое личико, карие глаза и улыбка – загадочная и отстраненная, как у многих подростков этого возраста. Вот Лиза определенно выглядела настоящей, оформившейся царевной.

Других гостей не было.

Варвара Платоновна приняла поздравления от своих близких, затем посетовала, что у нее почти не осталось подруг ее возраста, а те, что есть, уже не могут прийти на своих ногах. Села за накрытый стол на веранде.

– За тебя, мамочка. Долгих тебе лет!

– За тебя, мама.

– За тебя, бабуля!

– А ведь у дома-то нашего тоже юбилей, я вспомнила, – заявила пожилая женщина, торжественно восседая во главе стола.

– Как юбилей, бабуль? – спросила Лиза Варвару Платоновну, потерлась щекой о ее плечо.

– Помню, мне пятнадцать было... Совсем как тебе сейчас, Лизок. Отец как раз к моему дню рождения этот дом закончил. Вот, говорит, тебе подарок, Варька... Владей. Я ж единственная у них была, у отца с матерью. Тебе, говорит, и потомкам твоим. Ты мне правнучка, Лизок, а отец мой, получается, прапрадед тебе.

– Слышишь, Лиза? – громко, с гордостью произнесла Анна, которая за все это время так ни слова и не сказала Жене, лишь кивнула в начале вечера – здравствуй, дескать, сестри-

ца. – Прадед этот дом для тебя строил, словно знал.

– О, и правда, семьдесят лет дому, это юбилей, получается! – с восторгом согласилась Лиза. Подняла голову и крикнула куда-то вверх, в перекрытия над верандой: – Дом, с днем рождения тебя!

– Ну давайте и за дом чокнемся. Юбиляр!

– Да это не дом, а сказка, еще семьдесят лет легко просто-ит...

– Дом, милый дом, ты еще совсем молодой! – звонко закричала Лиза.

– Стоп-стоп-стоп, Лиза, куда ты свою лапку тянешь, тебе нельзя алкоголь!

– Лиза, соком чокайся.

– Ну бабушка!

Лиза и в самом деле была чудесной девочкой, Женя буквально любовалась ею. Бабулей Лиза называла Варвару Платоновну, а бабушкой – Нину Георгиевну, как заметила Женя.

Таисия Георгиевна сидела рядом с Женей и тоже откровенно любовалась Лизой.

– Лиза, ты наследница, тебе одной все достанется, – сказала Анна. – Береги этот дом.

– Дом, милый дом, я буду тебя беречь...

Жене вдруг стало не по себе. Она покосилась на мать – та по-прежнему сидела рядом, улыбалась молча.

Интересно, мать услышала эту фразу, которую только что произнесла Анна, поняла ее смысл?

«Они ведут себя так, словно мамы нет. Вместо нее – какое-то белое пятно. Они сами-то понимают?»

– Так, пойду на кухню, посмотрю, как там горячее... – поднялась Анна. – Мам, ты сиди.

– Ань, я с тобой. – Женя направилась вслед за сестрой.

На кухне пахло запеченным мясом, душистыми приправами.

– Аня...

– Да, – гремя подносами внутри духовки, не оглядываясь, бросила сестра.

– Я хочу спросить. У моей мамы нет никаких прав на этот дом?

– Что? – Анна распрямилась. – Ты о чем, Евгения?

– Ты только что за столом сказала, что единственной наследницей дома является Лиза. А разве это так?

Глаза у Анны сузились:

– Ты спятила. В день рождения бабули качать права, заводить разговоры о наследстве... Да ты с ума совсем сошла.

– Ты начала, не я. Я хочу тебе напомнить, что дом в первую очередь будут наследовать дочери бабушки – тетя Нина и моя мама. Если, разумеется, уже не написано завещание.

– Блин, Женька... В день рождения бабули – ты о завещании?!

– Потому что именно сейчас выяснилось... что моя мать тут никто.

– Ну вот пусть твоя мать и выступает, ты-то что влезла? – с раздражением произнесла Анна.

– А потому что я знаю маму. Она промолчит и потом ничего не скажет.

– Женька, ты совсем совесть потеряла в этой своей Москве. И потом, у тети Таси есть где жить.

– Ей только половина той квартиры принадлежит.

– Ну так возьми свою мать в Москву, ты же, я слышала, теперь москвичка, своими хоромами там обзавелась! – почти прорычала Анна. Но даже искаженное гневом, ее личико выглядело прелестным, не могла не заметить Женя.

– Мама отказалась.

– Твоя мама отказалась, а мы, получается, изверги! Кто стариков выхаживает, тот им и наследует, запомни. Мы, мы все тут присматриваем за бабулей, а от твоей матери никакого толку...

– погоди. Ты мне только одно скажи – мама тут уже ни на что не может претендовать? Она не наследница больше?

– Ты просто чудовище, Женька! В такой день!..

– Да или нет, в конце концов?!

– Скотина... Бездушная скотина... – Анна без сил опустилась на табурет, прижала ладони к щекам.

– Я переживаю за маму. Она одна. Она словно чужая вам, а я далеко, – с усилием произнесла Женя.

– Тете Тасе никто не нужен. Как она себя поставила, так к ней и относятся. Все получают по заслугам, – глядя в сто-

рону, мрачно произнесла Анна.

– Нет. Это вы вытолкали ее из родового гнезда... Я все время думаю, переживаю о маме. И, зная ее характер, вы могли пойти ей навстречу... Ты и тетя Нина. Ну хотя бы иногда заглядывали к ней и созванивались чаще. Мне тут вчера телефон ее в руки попался, я посмотрела все входящие и исходящие звонки...

– Да мама на днях с ней по телефону болтала, не ври!

– А до того они говорили месяц назад. А до того – и вовсе в марте!

– Гореть тебе в аду, Женечка. За твое хамство и наглость. Иди уж ко всем, сама тут справлюсь. Видеть тебя не могу!

Женя вернулась на веранду. Руки у нее тряслись. Она понимала, что делает что-то не то, да и день сегодняшний совершенно не годился для выяснения наследственных дел... Но Женя слишком хорошо помнила прошлое. Тетя Нина всегда недолюбливала маму, можно предположить – с самого рождения сестры, и эта нелюбовь, видимо, передалась и Ане.

Не замечать ничего, не слышать, не говорить почти, а если и говорить, то словно через губу, игнорировать редкие просьбы, относиться как к пустому месту, мимикой и интонациями постоянно подчеркивать свое превосходство... Не навещать во время болезней, забывать все сказанное матерью, а потом по сто раз переспрашивать и снова забывать...

Да, наверное, эта проблема – любимого и нелюбимого ре-

бенка – шла из далекого прошлого, и сама бабушка, Варвара Платоновна, этому немало поспособствовала (тому свидетельство – семейные истории из детства двух сестер), но ведь столько лет прошло, все герои этих историй не просто давно выросли, а еще и успели состариться, да и к бабушке никаких претензий, теперь поздно уже... А нелюбовь осталась.

Тетя Нина, обняв за плечи бабушку, пела «Шумел камыш». Таисия Георгиевна подпевала. На миг эта картина смягчила сердце Жени. Однако в следующее мгновение тетя Нина выдала:

– Тась, ты тут не тянешь... Лизок, давай лучше ты подключайся!

«Вот типичная ситуация. «Вытолкали» маму, как всегда, и собрались своим кругом! Ну и ладно. Какие мне слова еще нужны, зачем мне подтверждение их любви к маме, разговоры эти – о ее праве на наследство? У мамы есть только я. И не надо ничего требовать с них, пора уже держать дистанцию...»

Анна принесла горячее, все ели и хвалили. Женя молчала, у нее совершенно не было аппетита.

– Надо чаще собираться, – весело вещала Нина Георгиевна, уже захмелевшая. – Женьк, что ж ты к нам редко так едешь, совсем зазналась, что ли... Она ученая, а мы тут черная кость, деревня...

Женя промолчала, только улыбнулась через силу. Она с

этого момента дала себе слово больше ничего не спрашивать у Кирсановых и ничего от них не ждать.

Кирсановы отдельно, они с мамой – тоже отдельно. Если с кого и спрос в отношении мамы, то только с нее, Жени.

Постепенно темнело. На веранде зажгли свет, ночные мотыльки хороводом заплясали вокруг лампы.

Аня и тетя Нина, обнявшись, вполголоса пели, Лиза уткнулась носом в планшет, бабушка с царственным видом смотрела куда-то в сад.

– Ты не устала? – спросила Женя шепотом Таисию Георгиевну.

– Нет, – пожала плечами мать.

– Хочешь еще вина?

– Женька, ты что, мне в ночь опять на работу, а ты про вино!

– Девчонки! – раздался звонкий женский голос откуда-то из глубины сада. – Девчонки, открывайте!

– Это Рая! – подскочила Аня. – Она же торт должна принести. Мам, ставь чайник, срочно, а то все засыпают уже...

Через пару минут к веранде подошла Анна, держащая в руках большую коробку с тортом, и та самая Рая.

– Варвара Платоновна, с юбилеем! – звонко закричала гостья.

– Раечка, иди к нам, посидим.

– Никак не могу, муж ждет... О, и ты тут. – Рая махнула рукой Жене. И Женя вдруг узнала в этой женщине давеш-

нюю официантку. Да, теперь понятно, почему официантка показалась знакомой – это же Раиса, бывшая одноклассница Ани.

– Привет! – отозвалась Женя. – А я вчера все пыталась тебя вспомнить... Знакомое же лицо! Ты бы сказала...

– Да как, нехорошо же было вашу приватность нарушать... ты ж с кавалером была.

Все разом повернулись к Жене.

– С каким кавалером? – спросила Нина Георгиевна игриво.

– С каким... – тоже игриво подхватила Раиса, но потом, видимо, опять что-то вспомнила, покосилась на Анну и окончательно смешалась. Пробубнила: – Может, показалось... Ой, мне некогда, убегая. Еще раз с праздничком, Варвара Платоновна.

Раиса резво развернулась и умчалась в ночь.

– Женя, можно тебя на минутку? – Аня за локоть потянула за собой Женю. – Мам, ты пока торт режь, чай наливай... Я сейчас.

Аня увела Женю в глубь сада. Сейчас, в сумерках, сад казался почти лесом. Сказочным лесом...

– Ты встречалась с Сергеем? – без всякого выражения спросила Аня.

– Да.

– Вы сидели в Райкином кафе?

– Да.

– И ты молчишь?

– Я сказала Сергею, чтобы он заходил. Что у бабушки день рождения. Но он отказался.

– Вот как... – пробормотала Анна. – Отказался. Значит, ты плохо просила.

Женя пожала плечами.

– А зачем он тебя в кафе позвал? Он вообще как? Сильно изменился?

– Немного. Не сильно.

– Он спрашивал обо мне?

– Нет.

– А о чем вообще вы тогда говорили?!

– Просто... болтали.

– О... они просто болтали! Я тут с ума схожу, а ты...

– Я тоже с ума схожу, а ты! – немедленно огрызнулась Женя. – Ты и пальцем ради меня не готова пошевелить, да или нет сказать, с чего это я должна стараться ради тебя?

Женя развернулась и отправилась обратно на веранду.

Варвара Платоновна уже почти дремала. Долгий вечер утомил пожилую женщину. Женя и ее мать скоро попрощались с родней, отправились домой. Шли молча. «Уеду, – подумала Женя. – А что мне тут еще делать? Проведу завтрашний день с мамой, а потом уеду... Мне тут нечего ждать. Да, мы очень мило побеседовали с Сергеем сегодня, но это ничего не значит. Тем более что Аня, похоже, готова сама к нему отправиться. А я ей не соперница...»

Картин от дяди осталось очень много, и Сергей чувствовал, что не может оставить их в пустом доме. Эти полотна надо пристроить, отдать в чьи-то руки.

Днем заходил сотрудник из местного музея, согласился взять десяток видов Кострова. Бесплатно, разумеется. Сергей попытался отдать еще несколько картин дяди, и тоже бесплатно, но сотрудник отказался.

– Я бы рад, да помещений нет. В хранилище эти отправим, а потом, осенью, может, сводную выставку организуем... Тема – город Костров в рисунках местных художников.

В антикварном рисунки дяди тоже неохотно согласились взять на реализацию и по минимальной цене.

Такова была жизнь. Сергей решил бесплатно раздать соседям оставшиеся работы дяди.

Арсений Андреевич действительно был хорошим художником. Обычным вдумчивым и старательным мастером, коих – миллионы. Ну ладно, не миллионы, а тысячи. А вырывались вперед из этой массы крепких и способных, становились известными, получали возможность жить на гонорары лишь единицы. Таково любое творчество – им можно заниматься, лишь будучи гением (именно гением, а не талантом даже). Сергей навидался в своей жизни талантливых, но несчастных людей.

Подающие надежды писатели, старательные художники, начинающие композиторы – они не знали, куда себя при-
ткнуть, потому что мир уже полон разнообразных шедевров.

Художник живет на гонорары от своих работ. Тратит мно-
го на холсты, краски, подрамники... А кто потом готов ку-
пить его работу за адекватные деньги? Мало кто. Продавать
по минимальной цене, демпинговать – значит скатываться
вниз. Рисовать за еду, по сути.

Становиться уличным рисовальщиком? Дядя под конец
жизни этим и занимался, делал наброски прибывших в город
туристов.

Когда-то давно у дяди была жена – красавица Мария, ак-
триса в местном театре. Думала, что стать женой художни-
ка – это престижно и выгодно, ан нет, обманулась. Она ско-
ро сбежала в неизвестном направлении. Дядя с тех пор жил
один. В последние годы Сергей пытался перевезти его к себе,
но тот – ни в какую. Хорошо, что помощь деньгами прини-
мал. Умер дядя в одночасье, от невылеченного воспаления
легких, еще не старым человеком, по сути.

Глядя на дядю Арсения, Сергей с самого начала, еще
с юности зарекся становиться профессиональным художни-
ком. Конечно, дядя учил его азам живописи, но Сергей точ-
но знал, что рисование будет лишь его хобби, а не чем-то
главным.

Поэтому после расставания с Анной он отправился в
Москву, там поступил в экономический институт, надеясь

потом заняться рекламным бизнесом. Уж очень хотелось тогда Сергею доказать бывшей возлюбленной, что он ровня ей. Что он тоже в состоянии стать богатым и успешным человеком. Вот странно только. Когда хотел разбогатеть – ничего не вышло, прогорел, остался ни с чем, даже жена бросила (Сергей буквально повторил судьбу дяди Арсения). Правда, у дяди детей не было, от Сергея же жена ушла, забрав ребенка с собой. А потом, когда у Сергея уже ничего не осталось, даже надежда на лучшую жизнь испарилась, – все вдруг изменилось.

Началось с того, что он, практически в полной нищете, чтобы не сойти окончательно с ума, с остервенением, забыв про еду и сон, рисовал – свои воспоминания из прошлого. Дома, дворы, небо. Бесконечная серия пятиэтажек-«хрущевок», сараев и гаражей. Старые двери, стены с облупившейся краской, подъезды, в которых у батарей зимой грелись влюбленные. Одинокие дети на детских площадках, подростки, гуляющие на пустыре с собакой... Это не были какие-то конкретные места, которые врезались Сергею в память, нет. Он рисовал вообще. Картинки прошлого. Он рисовал некие коды, которые знали все. Он запечатлевал красками на холсте то, что было в жизни каждого человека, жившего на этой земле, в этой стране. И что ушло безвозвратно, почти не оставив следа.

А Сергей – поймал, спас, перенес прошлое на холст. И у публики неожиданно появился интерес к его картинам. Ока-

зывается, людям не нужны тщательно выписанные березовые рощи и малиновые закаты над старым прудом. Не нужны голые красотки и фантастические узоры. Людям требовалось их прошлое. Напоминание о нем. Что они – *были*, что они испытывали счастье и горе, радость и печаль, проживая среди этих домов и дворов. Им был нужен некий символ их прежней жизни.

Как писали знатоки, от картин Сергея исходили какие-то пронзительные интонации, ни на что не похожие. У модного художника сразу появились и почитатели, и ненавистники. Одни яростно хвалили Сергея, другие чуть не молились на него.

Сергей за очень короткий срок приобрел бешеную популярность, у него появился в Лондоне агент и свой офис, где все желающие могли приобрести понравившуюся картину. Разумеется, основная масса покупателей – бывшие россияне. В Лондоне оказалось много соотечественников. И вот как странно: они покинули родную страну, а теперь стремились вернуть заунывные городские пейзажи своего детства обратно. В виде картины, которую они вешали где-нибудь в своем кабинете.

Эти люди ненавидели старые дома, в которых провели начало своей жизни, а теперь не жалели денег за запечатленное «уродство времен советской эпохи» (цитатка из статьи какого-то недоброжелателя).

Парадокс!

Одновременно с известностью на Сергея свалилось и наследство.

Отец его (с которым, кстати, Сергей почти не жил, проведя свое детство и юность с дядей в Кострове) был женат вторым браком на одной московской даме, внучке известного военачальника. Совместных детей у пары так и не случилось. Дама умерла, отец еще некоторое время прожил вдовцом, затем и он ушел в мир иной, оставив после себя огромную пятикомнатную квартиру на Патриарших прудах. Завещания не написал, так что единственным наследником стал Сергей. Правда, оказалось, что туча родственников покойной мачехи готова биться за квартиру. И это была ошеломительная битва... Которая, правда, закончилась для многочисленной родни ничем. Победил Сергей.

Однако Сергей, получив квартиру, жить в ней не стал. Он давно уже обитал в небольшом собственном доме в Подмосковье. Там, на отшибе, было тихо, спокойно, не орали ночами под окнами подвыпившие московские гуляки, только что покинувшие модный ресторан и решившие сделать променад вокруг известного пруда. Сергей за очень солидные деньги сдал квартиру на Патриарших одному популярному певцу.

Так странно... Сергей стремился построить свою жизнь «как надо» – и ничего не вышло. Полный крах. Но как только он отпустил вожжи и стал делать то, что хочет, – у него получилось все. Он словно влился в некий поток, который

нес его теперь по жизни вперед.

Сергей ломал шаблоны, поступал вопреки правилам – но жизнь почему-то и не думала сопротивляться, теперь она сама подстраивалась под Сергея. Когда он стал самим собой – он обрел почву под ногами.

...Полный воспоминаниями о прошлом, размышлениями над жизнью, Сергей перебирал архив дяди Арсения, расположившись в просторной комнате, которая когда-то служила залой. В углу негромко бубнило радио, но оно не мешало.

В просторном шкафу Сергей наткнулся на платья бывшей жены дяди, Марии. Некоторые из них в свое время служили театральными костюмами... Только кому теперь они могут понадобиться? Сергей наткнулся на альбом, лежавший в нижнем ящике шкафа. В альбоме были собраны акварельные наброски на бумаге, карандашные рисунки. Эти наброски уж точно никто не возьмет, даже бесплатно, в подарок. Ну и хорошо: останется что-то на память, можно увезти их к себе домой, в Подмоскowie...

Сергей перекладывал листы, уже немного пожелтевшие, с разлохматившимся краем, и вдруг замер.

На стандартном бумажном листе формата А4 была изображена небрежными мазками юная девушка. Она сидела на деревянной лавке, сзади – кусты сирени.

Странное, страстное лицо. Длинные нос, большой рот. Пряди темных волос заправлены за уши. Абсолютно неформатная внешность!

Нога положена на ногу, девушка сидит, обхватив колено. Динамичная, драматичная поза. Девушка на первый взгляд спокойна, на второй – становится ясно, что внутри этой юной особы бушуют океанские бури.

Вот так надо изображать мятежных подростков, нежных и колючих одновременно. Пожалуй, этот набросок – лучшее из того, что написал дядя.

А, да. В этой девочке-девушке сразу угадывалась Женни. У этой Женни, когда-то жившей по соседству, настолько яркая, характерная внешность, что, наверное, и старухой ее можно будет легко узнать.

«Отдам ей», – мгновенно решил Сергей. Отложил рисунок в сторону, встал. «Она ведь сейчас в Кострове. Надо ее пригласить. Вдруг ей еще что-нибудь понравится...»

Сергей вышел из дома и направился вверх по улице.

Каждый раз, когда он выходил из дома, испытывал волнение – а вдруг. А вдруг он встретит здесь... Впрочем, лучше не думать.

Дом, в котором жила Женя, Сергей нашел сразу. Правда, он не помнил номера квартиры... Но и тут, даже в такой мелочи судьба, как всегда, благоволила ему. Женю он увидел в саду. Она сидела на той самой лавочке за кустами сирени (правда, сирень уже давно отцвела), в той же самой позе – нога на ногу, руки обхватывают колено.

Теперь Сергей увидел свою знакомую как-то иначе. Дядиными глазами?

Женька и раньше нравилась Сергею – хорошая девчонка, зря ее недооценивает... гм, недооценивают окружающие. Но теперь, если учесть их вчерашний разговор по душам, она показалась ему почти родным, близким человеком.

– Женни, – улыбнувшись, не сразу позвал он.

– А?.. – Женя вздрогнула, повернулась, прикрывая глаза ладонью от солнца. Рот слегка перекошен, глаза сощурены, возле крыльев носа образовались складки... Какое милое чучело. – Ой, это ты. Привет!

– Ты свободна? – сразу же приступил к делу Сергей. – Пошли ко мне, я тебе кое-что покажу. Осталось от дяди...

– А... ладно. Мам, я ушла, – повернувшись к окну, крикнула Женя.

Занавеска отдернулась, в окне показалась женщина. Мать Женни. «Как ее... отчество-то? Точно помню...»

– Таисия Георгиевна, доброе утро.

– Сергей? Здравствуй... Еле узнала. Какой ты взрослый стал, красивый.

– Я ненадолго заберу вашу дочь.

– Забирай хоть насовсем.

– Мама!

– Я подумаю над вашим предложением... – засмеялся Сергей. – Пошли, Женни.

– Ох, мама...

– Да не обращай внимания. Как прошел день рождения бабушки?

– Относительно хорошо, – вздохнула Женя. – Подробно-
сти нужны?

Сергей задумался, потом сказал:

– Нет, лучше не надо.

– И правильно.

Сергей открыл калитку в заборе, пропустил Женю во двор.

– А что с домом будешь делать? – спросила она.

– Продам, наверное. Хотя кто его купит... Он старый, ветхий совсем. Развалюха.

Они вошли в дом. По-прежнему бубнило радио.

– Не пугайся, тут беспорядок. Я вещи дядины разобрал. Здесь не споткнись! – Сергей, на всякий случай взяв ладонь Жени в свою, провел девушку через узкий проход между передвинутой мебелью в залу.

– Садись. – Он усадил Женю на диван, сел рядом и придвинул журнальный столик с альбомом. Открыл его, переложил листы. – Узнаешь?

– Ой... это же я! – засмеялась Женя, взяв в руки лист со своим портретом.

– Это тебе.

– Спасибо.

– Бери все, что хочешь. Вдруг пригодится. Я немного разберусь с картинами, а остальное раздам соседям.

Женя сидела молча, разглядывала рисунок. По радио передавали последние новости, затем перешли к курсу валют.

Сергей не торопил Женю, разглядывая ее профиль. Профиль *реальной* девушки. Живой, не нарисованной...

Он старался никогда никому не задавать неудобных вопросов о личной жизни: его ли это дело, а вдруг даже самый пустяковый вопрос чем-то ранит собеседника, особенно – собеседницу? Но тут на него как будто что-то нашло:

– Женни, а ты одна?

– В каком смысле?

– Ты замужем, у тебя есть кто-то?

– С какой целью интересуешься? – улыбнулась она, растянув свой очаровательный, и без того большой рот в улыбке. «Улыбка Чеширского кота... – машинально подумал Сергей. – Множество маленьких беленьких острых зубок, которыми Женни может укусить. Больно-больно. Или совсем не больно... Так, прихватит осторожно и цепко и не отпустит уже!» Женя между тем продолжила: – Нет, я не замужем. И у меня никого нет. И детей у меня тоже нет. А у тебя, я слышала, была жена. И ребенок у тебя есть, да? А кто? Сын или дочь? И сколько лет?

– Даже не знаю, что тебе на это ответить, Женни, – пожал плечами Сергей. – Хочешь услышать?

– Хочу. Если ты, конечно, готов мне рассказать.

– Жена моя была та еще сука. Стерва!

– Сережа! – распахнула глаза Женя. – Как ты можешь... А впрочем, я почему-то была уверена, что твоей женой непременно должна оказаться женщина подобного типа.

– Это еще почему? – в свою очередь, опешил Сергей.

– Потому что ты слишком хороший, – сказала Женя. – А противоположности всегда притягиваются.

– Я изменился. Нет, я не стал плохим... Но я стал *другим*, это точно.

– Ты назвал мать своего ребенка сукой и стервой, – напомнила она. – По мне, это все же перебор, если честно.

– Ребенок не мой, – сделав над собой усилие, признался Сергей. Он ни с кем не обсуждал эту проблему, но сейчас ему впервые захотелось поговорить на болезную для него тему именно с Женни. С ней было легко. Оказывается, Женни его понимала.

– Да-а?!

– Мы поженились с Миленой чуть ли не сразу. Почти не зная друг друга. Я приехал в Москву, отправился на подготовительные курсы и встретил ее... Через неделю мы уже жили вместе в общежитии – в одной комнате. В институт она так и не поступила – ждала ребенка. В общем, я учился, работал, мы снимали комнату: было трудно, но весело... У Милены родился мальчик. Мы назвали его Саввой.

– Почему ты думаешь, что это не твой сын?

– Потому что Милена потом призналась, что это не мой ребенок. Призналась, когда ей понадобилось уйти от меня. К другому. Перспективному и обеспеченному товарищу. А у меня в тот период дела совсем плохо шли. И этот кризис в стране... Как назло, рухнул рекламный бизнес, рекламщики

в ту пору оказались совершенно не нужны – бесполезная на тот момент профессия. Новый муж обещал усыновить Савву. Короче, она меня лишила отцовства. Да я, в общем, и не сопротивлялся...

– А вдруг это твой сын!

– Не мой. Я и говорю – потому и не сопротивлялся, что провели ДНК-экспертизу... – махнул рукой Сергей. – И экспертиза подтвердила, что Савва не мой сын.

– Ничего себе... – пробормотала Женя. – Как в кино.

– Ой, и не говори. А потом у меня дела пошли в гору. И деньги за мои картины стали платить, и квартира в наследство досталась в хорошем месте... А от меня уже ни алиментов не получить, ничего, и претендовать на что-то – тоже уже никак. Милена реально кусала себе локти. Тем более что у ее нового супруга случился тяжелый инсульт. Он много работал, но и много пил.

– И... что?

– Ничего. Она его тоже бросила. Я давал ей деньги. Когда она просила, разумеется.

– А с Саввой ты видишься?

– Иногда. Редко. Ему сейчас четырнадцать. И он меня терпеть не может. И не мог терпеть никогда. Даже в раннем детстве, младенцем. Знаешь, Женни, в это почти невозможно поверить... Но он словно всю жизнь чувствовал, что я ему чужой. Да, очень многие люди, воспитанные отчимами, признаются, что отчимы были им как родные, что отец не тот,

кто родил, а кто воспитал, но почему-то у меня случилось не так. Мне в этом смысле не повезло.

– Ты наказывал его? Ругал? Читал нотации? Может быть, именно это обижало ребенка? – осторожно спросила Женя.

– Нет. Я даже не шлепнул его ни разу. И не ругал, и не за- нудствовал, и позволял ему все... Может быть, именно это и было ошибкой – все позволять? Не знаю. Но ты мне не обя- зана сочувствовать, – вдруг спохватился Сергей. Он слов- но увидел себя со стороны: унылый дядька, жалующийся на жизнь. – Конечно, это я виноват в том, что у меня не сло- жились отношения с Саввой, глупо все сваливать теперь на этот мифический «голос крови». И я не для того это гово- рю, чтобы ты пожалела меня, нет... – Он провел ладонью по своему лицу, пытаясь собраться с мыслями. – Если честно, то ты первый человек, с которым я почему-то в состоянии говорить обо всем этом.

– Спасибо за доверие, – тихо произнесла Женя. – Навер- ное, это странно. Была семья, бац! – и нет ее. Словно при- снилось все, мираж какой-то...

– Мираж... Подходящее слово!

Они некоторое время сидели молча. Из радио теперь зву- чала музыка.

– Ты бы хотел встретиться с Анной? – спросила вдруг Же- ня.

– Нет, – быстро ответил он. – Есть несколько дядиных кар- тин, на которых он запечатлел ее, их семью, дом... Отдай по-

том Ане. Сам я не хочу с ней встречаться.

– Хорошо, – спокойно ответила Женя.

– Сад роз.

– Что?

– Я помню, у них чудесный сад, у Кирсановых. Я называл его сад роз. Во всех смыслах... – Сергей сбился и замолчал.

– А ты... Ты рисовал Аню?

– Нет. Портреты, вот такие, классические, в дядином духе – не мое. Я почему-то тоже все время думаю о том саде... Вот его бы я сейчас точно нарисовал. Сад роз, и между цветами бродят призраки, тени. Причем, ты знаешь, мне вовсе не обязательно идти к Кирсановым, этот сад у меня вот здесь, в голове, – он указал пальцем на свой лоб.

– Ты такой... – Женя улыбнулась, пожала плечами, но не договорила. Потом отвернулась.

– Ты знаешь, через несколько дней в городе будут отмечать юбилей Тургенева. Обещают бал.

– Я слышала об этом.

– Ты бы пошла? Со мной.

– Говорят, там что-то костюмированное... Без специальных нарядов под старину не пустят.

– Пустят! – обрадовался Сергей. Вскочил, распахнул дверцы шкафа. – Смотри, от тетки остались, она же в театре работала... Сцены из дворянской жизни хоть сейчас играй.

– Ух ты. – Женя вскочила, принялась передвигать вешалки. – Красота какая...

Она приложила к себе одно платье, затем другое.

– Вот это тебе пойдет.

– Оно же красное!

– Пунцовое. Твой цвет.

Женя, стоя перед большим, мутным от старости, зелено-вато-желтым зеркалом, приложила платье к себе.

И правда, темно-пунцовое платье – яркое и все же, несмотря на нотки огня, не вызывающее – очень шло этой девушке, смотревшейся в зеркало. Струящийся, гладкий атлас юбки, жесткий корсет.

– Мне кажется, дворянки в таких нарядах не ходили, – пробормотала Женя, улыбаясь своему отражению. – Какие-нибудь дамы полусвета...

– Да кто разбираться-то будет! – засмеялся Сергей. – Платье под старину? Под старину! Нас должны пустить, и точка. К мужчинам требований меньше: говорят, достаточно обычного костюма.

– Значит, ты приглашаешь меня на бал?

– Да. Теперь-то пойдешь? – Сергей взял из ее рук платье, кинул его на диван и прислушался. Из радио доносилась медленная музыка. Кажется, что-то из 80-х или 90-х... А, «Скорпионс». Send Me An Angel...

Сергей обнял Женю, они медленно закружились по комнате. Она была маленькой, легкой, какой-то невероятно хрупкой. Хотя и немного неуклюжей. Что-то такое было в ее порывистых движениях, что можно, наверное, назвать жере-

блячей грацией... Очень хотелось прижать эту девушку к себе сильнее. Женни не оттолкнет. Или оттолкнет? Да неважно, зачем ее пугать, зачем рушить эти чудесные мгновения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.